

— Я не открою, — Дин Тянь стоял на своём.

Пусть он и был полнейшим профаном в чиновничьих интригах, но даже из короткого разговора за дверью сумел выудить слишком много опасных намёков. Сейчас пускать их внутрь было чистым безумием. И даже если он совершал ошибку, Дин Тянь готов был стиснуть зубы и до последнего стоять на своём, превращая эту ошибку в единственно верное решение.

— Ты что, службы лишиться захотел? — зловеще прошипел господин Ма. — Ты всего лишь жалкий главный тюремщик!

— Зато этот ваш «жалкий главный тюремщик» числится на особом счету и в Военном министерстве, и в Министерстве наказаний! — раздался за их спинами звучный голос. — Своё место он получил по праву — за воинские заслуги покойного отца.

Говоривший показался Дин Тяню знакомым. Ну конечно, господин Ду!

— Префект Ду?..

Личный советник Син наверняка узнал бы прибывшего, да только бедолага всё ещё валялся без чувств. И пускай сам господин Ма не сразу признал префекта, стоявшего плечом к плечу с ним грозного мужчину в чешуйчатом доспехе и шлеме он ни с кем бы не спутал. То был прославленный генерал Гао.

Дин Тянь, разумеется, понятия не имел, кто такой этот военачальник, зато господина Ду узнал мгновенно.

— Ма Чун, он же Ма Явэнь, уездный судья... Может, соизволите объяснить мне, какого дьявола вы привели сюда вооружённых людей? — В голосе Ду Мина, занявшего пост префекта, сквозила ледяная, непреклонная власть. Он принадлежал к числу тех немногих гражданских чинов, кто лично бывал на поле боя, а потому его взгляд, устремлённый на судью, сейчас казался ядовитым лезвием.

Судья Ма, возвращённый в сытом благополучии южных провинций Цзянани, бесконечно отличался от суровых северных мужей. На границе давно стёрлась грань между чиновником и воином: случись беда, любой писец хватался за клинок. Южанин же грезил лишь новыми угодьями да обильной податью. Ему никогда не доводилось видеть, как приграничный уезд отражает набеги чужаков, когда даже женщины берутся за вилы и топоры, защищая родные очаги.

Столкнувшись лицом к лицу с подобной яростной решимостью, перед которой бледнели любые законы, судья Ма окончательно растерял спесь, и его лицо сделалось белее мела.

Дин Тянь до конца не понимал, какая буря бушует снаружи, но стоило префекту жестом

приказать увести незваных гостей, как выражение лица высокопоставленного чиновника смягчилось. Он шагнул к решётке и с мягкой улыбкой спросил:

— Ну что, служивый, теперь-то двери отворишь?

Дин Тянь расплылся в широкой улыбке:

— О чём разговор, господин префект! Конечно!

Он отпер тяжёлый засов, однако преградил дорогу сопровождающим генерала воинам:

— Прошу простить, но по законам Великой Цин без особого предписания входить в казематы при оружии строжайше запрещено.

Генерал Гао удивлённо вскинул брови: надо же, какой дотошный малый.

— А ты неплох, парень! Сразу видно — порода Дин Дахая, такого же упрямого чёрта.

— Вы знали моего отца? — Дин Тянь изумлённо округлил глаза.

В уезде покойного родителя, конечно, помнили и уважали, но для столичных чинов и высшего генералитета он должен был оставаться незаметной песчинкой, мелкой сошкой. И уж точно никто не мог подумать, что столь грозный военачальник назовёт его имя.

— Когда Дин Дахай держал оборону у городских стен, именно мой отряд совершил марш-бросок в сотню ли, чтобы прорвать окружение, — кивнул генерал Гао и без лишних слов отстегнул тяжёлые ножны, передав их адъютанту. — Твой отец был настоящим воином. И ты, как я гляжу, от него не отстал. Ждите здесь, — приказал он гвардейцам. — Мы с господином Ду пройдем внутрь.

Видя такое почтение к уставу, Дин Тянь почтительно посторонился:

— Прошу вас, господа.

— Славно, славно, — пробасил военачальник.

Дин Тянь лишь недоумённо моргнул, гадая, чему тот так радуется. Зато префект сиял от гордости за своего подопечного. Проходя мимо, он ободряюще похлопал юношу по плечу:

— Молодец, Тянь-эр. Сдюжил.

Молодой человек лишь скромно улыбнулся в ответ, изображая простодушное смущение.

Поскольку префект бывал здесь прежде, он уверенно повёл гостя вглубь казематов, напрямик к камерам для особо опасных преступников. Дин Тянь послушно семенил следом: без его связки ключей высокие гости не смогли бы открыть ни единой решётки.

Трижды лязгнули запоры, прежде чем они достигли нужного коридора. Префект собственноручно взял у Дин Тяня ключи и отпер дверь одиночной камеры. Оба визитёра, должно быть, ожидали увидеть изнурённого, грязного и оборванного узника, пусть даже избежавшего пыток. Каково же было их удивление, когда перед ними предстал на редкость бодрый, гладко выбритый и преспокойно сидевший за столом... господин Ван Цзо.

Дин Тянь, скромно приютившийся у самого входа, так и застыл с открытым ртом, когда статный генерал и почтенный префект единым порывом опустились на колени, склонив головы до самого земляного пола.

— Приветствуем Его Высочество! Долгие лета великому князю, десять тысяч лет жизни! — в один голос прогремели прибывшие.

В тесной камере преклонили колени все: и Ду Мин, и генерал Гао, и вошедшие следом безоружные гвардейцы. На фоне этого коленопреклонённого собрания одинокая фигура растерянного Дин Тяня смотрелась на редкость нелепо.

Главный тюремщик стоял ни жив ни мёртв. Ведь эти люди не были простыми обывателями!

В эту эпоху подданные Великой Цин не падали ниц перед каждым чиновником. Обычного уважительного поклона со сложенными руками было более чем достаточно, если только человек не совершил тяжкого преступления или не принадлежал к числу рабов. Крестьяне и ремесленники обладали достаточной гордостью, чтобы не стигать колени почём зря — коленопреклонения удостаивались лишь Небеса, Император да родители с учителями. Чиновников приветствовали вежливым поклоном, и те принимали это как должное. Даже глубокий, почтительный поклон считался величайшим проявлением почтения. Отношения между служилыми людьми тоже строились на взаимном уважении, а стариков почтенного возраста и вовсе одаривали особыми милостями: любой седовласый старец старше шестидесяти лет при встрече с уездным судьёй имел право стоять, а чиновник обязан был предложить ему присесть в знак уважения к мудрости лет. Малыши до семи лет тоже освобождались от всяких церемоний — что с них взять, неразумных? Закон предписывал оберегать юных и почитать зрелых.

Но то, что происходило сейчас, не укладывалось ни в какие рамки. Кого они только что называли «князем»? Неужто этот скромный господин Ван — не просто заезжий торговец, а настоящий член императорской семьи, носитель высочайшего титула?

Ван Цзо неторопливо поднялся, перешагнул порог каземата и прищурился на яркие лучи холодного зимнего солнца, пробивавшиеся сквозь узкие отдушины.

— Славный сегодня денёк выдался, а, малый? Что скажешь?

Дин Тянь робко глянул на светлое небо:

— Днём-то хорошо, Ваше... господин Ван. Только к ночи метель разыграется.

— Вот как? — Ван Цзо с любопытством повернулся к нему. — Откуда такая уверенность?

— У нашего старого привратника колени крутит. С раннего утра мается, бедняга, — у него ревматизм к непогоде всегда обостряется. Он ещё на рассвете пригрозил, что к ночи нас завалит снегом, да знатным. — Сказав это, Дин Тянь поспешил прикусить язык.

Теперь сомнений не оставалось: перед ним стояла птица невероятно высокого полёта. Королевская кровь, не иначе. И уж точно не простому маленькому тюремщику провинциальной тюрьмы соваться в эти эмпирии. Сам префект Ду до сих пор безмолвно склонялся у ног этого человека, не смея подняться без дозволения.

— Хм, вот оно как... — Ван Цзо, более не оборачиваясь, направился к выходу. — Встаньте. Времени мало, а дел впереди — непочатый край. За работу.

— Слушаемся! — раздался дружный хор голосов. Чиновники и стражники поспешно поднялись с колен и тенью последовали за своим повелителем.

Из соседних камер выволокли Ван Юдэ и Рябого Ху. Этим двоим повезло куда меньше: никакого почтения им не выказывали, уводя в кандалах и с туго стянутыми за спиной руками. Ван Цзо же покидал казематы как истинный триумфатор — в окружении преданной свиты и сверкающих доспехов личной гвардии.

Дин Тянь остался один в притихшем здании. Он не знал и не желал знать, какая гроза разразилась над городом, послушно исполняя свой единственный долг — стеречь вверенные ему пустые камеры. Наступил полдень. До ушей молодого зрителя долетали отголоски уличного переполоха: топот копыт, испуганные женские крики, плач детей и зычные мужские команды. Уездный город бурлил, точно потревоженный улей.

Лишь к вечеру, когда пришло время ужина, в ворота тюрьмы снова постучали. При виде новоприбывших Дин Тянь едва не лишился дара речи. Лица тех, кого стражники грубо заталкивали во двор, были ему до боли знакомы.

— Приказ господина префекта. Всех под замок, — бесстрастно вымолвил Жэнь Цин, чей суровый вид не оставлял сомнений в точности исполнения воли начальства.

Стоявшие за его спиной служки управы хранили столь же суровое, каменное молчание. И лишь простые ребята вроде Чэн Да, Лю Сэня и Линь Ци заметно робели, переминаясь с ноги на ногу

и отводя глаза.

— Всё понял, — кивнул Дин Тянь и махнул рукой притихшим приятелям: — Чэн Да, Лю Сэнь, подсобите-ка мне. Линь Ци, поживее, не стой столбом!

Задержанных оказалось столько, что в одиночку он возился бы до рассвета.

— Нам их тоже... мыть прикажешь? — тихонько спросил Чэн Да, косясь на напуганную толпу.

— Сначала распределим по свободным камерам, а потом — всё как положено: баня, досмотр и чистая одежда, — твёрдо ответил Дин Тянь, не собиравшийся отступать от заведённых им порядков. — Я займусь котлами, а вы пошлите кого-нибудь к моей второй тётке. Пусть соберёт надёжных, крепких баб из наших соседок и ведёт сюда на подмогу. Без женских рук тут не обойтись.

— Неужели в уездной управе не нашлось свободных слуг? — раздался у дверей знакомый бархатистый голос.

Дин Тянь обернулся. Ван Цзо успел переодеться. На нём было дорожное платье, но выполнено оно было с таким невероятным изяществом, что любая деталь выдавала баснословную роскошь. Волосы его венчала изящная малая корона из темного золота, украшенная искусной резьбой и драгоценными камнями. Лоб охватывала шелковая повязка, расшитая золотыми нитями с узором из двух драконов, играющих жемчужиной. Крупный пресноводный жемчуг, закреплённый в самом центре, мягко мерцал в полумраке, выгодно подчёркивая благородные черты его лица.

Одет он был в лазурный халат из драгоценного шелка, на удивление тонкий, но, без сомнения, очень тёплый. Поверх него покоилась подбитая тёмным лисьим мехом бархатная накидка глубокого иссиня-чёрного цвета. На поясе, усыпанном самоцветами, покачивалась полупрозрачная нефритовая подвеска на шёлковых шнурах искусного плетения. Завершали этот царственный облик высокие сапоги на толстой белой подошве.

Дин Тянь, конечно, мало что смыслил в тонкостях придворной моды, но даже его намётанный глаз улавливал: попади это одеяние в руки собирателей древностей, его бы выставили напоказ за толстым стеклом в лучшем из столичных собраний. Сейчас же благородный господин стоял прямо перед ним, и заходящее солнце, пробиваясь сквозь оконные проёмы, золотило его фигуру, превращая в ожившее божество с древнего свитка.

— Я здесь один за всех, — вздохнул Дин Тянь, возвращаясь к суровой реальности. — До вашего, хм... визита у нас отродясь не бывало столько постояльцев.

Ван Цзо весело рассмеялся:

— Твоя правда! Выходит, я... этот чиновник удостоился чести стать твоим первым узником.

Он слегка кивнул головой, и во двор тюрьмы тотчас вошли восемь расторопных слуг. Они мигом принялись за дело: кто-то потащил дрова, кто-то занялся колодцем и котлами. Тем временем прибывших арестантов разделили: мужчин препроводили в восточное крыло, женщин — в западное.

Вскоре сам великий князь ушёл, оставив своих людей в распоряжении Дин Тяня. Служки управы, завершив конвоирование, также покинули казематы. Наведение порядка теперь лежало целиком на плечах главного тюремщика.

Из камер доносился лишь тихий, жалобный женский плач; мужчины же угрюмо молчали, понимая всю тщетность запоздалых мольб.

Вскоре подросла запыхавшаяся вторая тётка, прихватив с собой нескольких дородных и надёжных кумушек с соседней улицы. Женщины споро взялись за дело, готовя горячую воду для мытья арестанток.

Впрочем, баня служила лишь благовидным предлогом для тщательного личного досмотра. Каждое украшение, будь то золотая шпилька или скромное серебряное колечко, изымалось под бдительным взглядом Дин Тяня, который тут же наклеивал на мешочки ярлыки с именами владельцев. Арестанток переодели в грубые серые рубахи, а растрёпанные причёски заплели в простые тугие косы — от бывшего величия и блеска не осталось и следа.

— Тянь-эр, милый, а греха мы не оберёмся? — робко спросила тётка, улучив минутку. Для работы она созвала только самых порядочных и немногословных соседок, пообещав каждой по полсотни медных монет за труды.

И всё же, глядя на груды дорогих безделушек, изъятых у арестанток, она невольно покачала головой: у неё прямо-таки дух захватывало от подобного богатства. Тут были и литые золотые кольца, и тяжелые серебряные браслеты, и усыпанные яшмой заколки. Каких только сокровищ здесь не было!

— Это их личное имущество, — строго оборвал её мысли Дин Тянь, заметив, как у некоторых помощниц разгорелись глаза. — Нам чужого добра не надобно. Они теперь преступники, а брать вещи у таких — навлекать на себя проклятие. Самого уездного судью под стражу взяли! Сейчас за любую пропажу спросят так, что не только головы — руки лишишься в одно мгновение.

Перепуганные бабы тут же подобрались и притихли, перестав коситься на сундучок с драгоценностями.

И то была чистая правда. За решёткой в один миг оказалось всё семейство бывшего судьи Ма.

Конюхов и челядь пониже рангом пока оставили в покое, но вот близких родственников чиновника погребли под замок без всякого снисхождения. От законной супруги до последней судомойки — все они теперь делили унылые нары. Небольшая тюрьма уезда Бычьего Рога мгновенно забилась до отказа.

Разумеется, само купание было делом поспешным: узников лишь наскоро обливали тёплой водой. Смотрителя заботило другое — чтобы никто из прибывших не сумел пронести в казематы нож, яд или иное опасное средство.

Мужскую половину досматривали ничуть не менее тщательно. Чиновников и их сыновей заставили скинуть шёлковые халаты и облачиться в невзрачные, пахнущие дегтем робы. К счастью, Дин Тянь в своё время подошёл к закупкам с изрядной долей практичности. Он заготовил тюремного платья на несколько лет вперёд, и теперь эти запасы пришились как нельзя кстати.

Суматоха улеглась лишь к глухой полночи. Дин Тянь щедро расплатился со второй тёткой и её помощницами, после чего лично вывел притомившихся женщин за ворота управы. Идти впотьмах им было не страшно: уездный город патрулировали многочисленные конные разъезды из Северного военного лагеря, да и дома у всех кумушек находились буквально в паре переулков отсюда.

<http://bllate.org/book/19387/1997489>